

Гу Сюньчжи занемог.

Болезнь настигла его внезапно. Посреди разговора он вдруг резко обернулся, вскрикнул от боли и рухнул на землю. Жэнь Ши бросился к нему и с ужасом обнаружил, что жизнь в теле наставника едва теплится. Если бы не Жемчужина Южных морей, которой он принялся растирать его грудь, и не потоки духовной энергии, пущенные им по жилам Сюньчжи, тот, верно, уже превратился бы в бездыханный труп.

Благодаря своевременному вмешательству Жэнь Ши худшего удалось избежать. Жизни Гу Сюньчжи более ничего не угрожало, но теперь ему предстояло провести немало времени в постели, восстанавливая силы.

Едва случилось несчастье, Сяо Цуй, которая до того где-то бездельничала, тут же примчалась обратно и разнесла весть о болезни господина Гу по всему поместью.

Князь Цзинь в это время пировал во дворце, и в поместье не осталось никого, кто мог бы принять решение. Лишь поздно ночью, вернувшись и разузнав о случившемся, князь передал приказ: всё должно идти строго по плану.

Гу Сюньчжи, разумеется, более не мог распоряжаться делами. Вся полнота власти перешла к Жэнь Ши. Для удобства князь приставил к нему своего доверенного слугу — человека прямолинейного и даже ограниченного, зато преданного до мозга костей. Тот беспрекословно исполнял волю господина, не смея предлагать ничего от себя, и этим оказался весьма полезен.

Жэнь Ши понимал, что Гу Сюньчжи в ближайшее время не умрет, а потому со спокойной душой оставил его на попечение Сяо Цуй. Ему нужно было довести задуманное до конца: чем скорее он разберется с поручением, тем быстрее они с ним смогут покинуть это место.

Однако состояние наставника постоянно менялось. Стоило Жэнь Ши решить, что он во всем разобрался и может действовать по плану, как появлялись новые тревожные признаки. Это заставляло его осознать: всё гораздо серьезнее, чем казалось на первый взгляд.

Случись подобный приступ, когда его не было бы рядом, или не окажись под рукой жемчужины — Гу Сюньчжи ждала бы неминуемая гибель.

Жэнь Ши и в голову не пришло, что именно он стал истинной причиной недуга своего младшего брата. Он лишь сухо анализировал факты, пытаясь предугадать дальнейшее развитие событий. Прежнее самочувствие Сюньчжи целиком зависело от наставлений их Учителя, и, чтобы вернуть всё на круги своя, его необходимо было отыскать. Но глядя на то, сколь хрупким стал Сюньчжи теперь, Жэнь Ши боялся, что тот просто не доживет до этой встречи.

Жемчужина Южных морей помогала, но этот артефакт великие демоны использовали вместо собственного внутреннего ядра. Для человека её эффективность была ограниченной — полумера, не способная стать спасением.

Жэнь Ши никогда прежде не задумывался о том, что именно может продлить жизнь смертному или укрепить его угасающее тело. Теперь ему оставалось лишь поддерживать искру жизни в Сюньчжи и параллельно искать выход.

Но сперва нужно было поймать дракона для князя Цзиня.

***

На следующее утро Синий дракон отправился вместе с князем на прогулку. Говорили, они поехали кататься на лодке по Восточному озеру. Жэнь Ши не понимал, что за удовольствие дракону проводить время в лодке посреди воды, но решил, что это сродни его страсти к рыбалке — простая забава ради новизны ощущений.

Разумеется, выезд князя Цзиня не походил на прогулку простых смертных. Для этого дела было зафрахтовано самое роскошное судно на всём Восточном озере. Трюмы ломились от изысканных вин, горячих яств и сладостей; лучших танцовщиц столицы выписали для увеселения гостя, а десятки слуг, наложниц и юных пажей неустанно суетились вокруг. Даже театральную труппу пригнали — актёры, обряженные в Восемь Бессмертных, следовали за ними на отдельном ялике, наполняя воздух музыкой, которая лишь добавляла сцене изящества.

От князя пришла весточка: он намерен оставаться на озере с Цинлуном до самой темноты. Впрочем, нрав у дракона был переменчив, и, заскучав, он мог потребовать возвращения в любой момент.

Жэнь Ши считал, что готовиться особо не к чему. Покои для пленника были давно обустроены, а запасов благовония «Пьяный сон», что он передал через Сюньчжи, хватало с избытком. Достаточно одурманить дракона ароматом, а затем сковать его движения родовой реликвией князей Цзинь — Верёвкой, связывающей драконов. Для князя это было делом жизни и смерти, для Жэнь Ши — лишь досадной помехой, требующей минимальных усилий.

Подготовив благовония, он присел в ожидании.

Развлечения, устроенные князем, и впрямь пришлись дракону по душе — тот пробыл на воде весь день. Лишь когда солнце коснулось горизонта, Цинлун начал капризничать, требуя возвращения. Князь Цзинь лишь рассмеялся в ответ:

— Я велел приготовить фейерверки. Едва стемнеет, их запустят с берега — зрелище будет неопишное. Если уйдем сейчас, всё пропустишь.

Дракон, хоть и прожил в столице немало времени, фейерверков еще не видел. Любопытство пересилило скуку, и он послушно остался ждать темноты. Налюбовавшись огненными цветами в небе и поддавшись уговорам князя выпить еще вина, он, наконец, совсем захмелел. Князь Цзинь лично поддерживал его, когда они, пошатываясь, возвращались в поместье.

Этот день стал для Синего дракона самым счастливым. Ему казалось, что на всем белом свете нет человека лучше и добрее, чем его Цицин. Обычно капризный и высокомерный, вечно недовольный окружающими, сейчас Цинлун совсем размяк. Он стал кроток и без умолку лепетал о том, как сильно любит своего Цицина.

Цицин — было вторым именем князя, которое почти никто не смел произносить. Те, кто стоял ниже по положению, звали его просто «Ван-е», старшие родственники — по имени. Со времен Великого наставника Яня это прозвище почти не звучало под сводами дома. Но стоило дракону узнать его, как он принялся повторять: «Цицин, Цицин...», смакуя каждый слог.

Князь, казалось, тоже был тронут. Он ласково коснулся кончика носа Цинлуна и прошептал с нескрываемой нежностью:

— Глупенький пьяный котенок... Поговорим завтра, когда проспишься.

Дракон пробормотал что-то невнятное в ответ. Князь не стал спрашивать. Он подхватил юношу на руки, бережно снял с него верхние одежды и уложил в постель, заботливо укрыв одеялом. Каждое его движение было исполнено трепета. Тот замер у кровати, вглядываясь в лицо дракона, пока дыхание того не стало ровным и глубоким.

Затем он бесшумно вышел. Жэнь Ши уже ждал у дверей.

Мастер Жэнь выглядел крайне нетерпеливым — ожидание утомило его. Он считал, что, если отбросить лишние церемонии, это грязное дело не стоило и доли затраченного времени.

Жэнь Ши уже собрался войти, но князь вдруг удержал его за рукав. Голос его дрогнул, когда он едва слышно произнес:

— Пожалуйста... сделай так, чтобы ему не было слишком больно.

Князь смотрел со странным блеском в глазах — смесью нежности и щемящей тоски. Жэнь Ши скривился в усмешке: от этого зрелища его едва не потянуло назад.

«Что за вздор? — подумал он. — Говорит так, будто злодей здесь я». Люди, особенно эти вельможи, неизменно лицемерны. Они обливаются крокодиловыми слезами, обманывая самих себя, пока не поверят, что совершают чудовищный поступок лишь по роковому стечению обстоятельств.

Он грубо высвободил руку и холодно бросил:

— Не беспокойся.

Князь не стал задерживаться. Хоть говорили, что «Пьяный сон» безвреден для смертных, проверять на себе он не желал. Жэнь Ши бесшумно скользнул внутрь и разжег курильницу.

Сладковатый, дурмящий аромат мгновенно поплыл по покоям. Жэнь Ши замер у порога, давая дыму заполнить каждый угол, и лишь затем подошел к постели. На него это средство почти не действовало — лишь легкая дымка коснулась сознания, не мешая движениям.

Синий дракон спал беспробудно.

Лицо его казалось совсем детским, не утратившим юношеской припухлости. Жэнь Ши коснулся его плеча, нащупывая под кожей кости, и, выверив точку, резким движением продел Верёвку сквозь ключицы дракона. Он не желал ему зла, но сила этого существа была слишком велика. Обычные цепи он разорвал бы в мгновение ока. Только пронзив кости дракона, можно было лишить его мощи.

Это должно было причинить нестерпимую боль, но Цинлун лишь жалобно простонал во сне, так и не открыв глаз. Он лишь нахмурился, словно во сне увидел нечто печальное. Но видения — лишь тень; настоящий кошмар ждал его наяву.

В сердце Жэнь Ши шевельнулась редкая для него жалость. Он старался действовать как можно осторожнее, но отсутствие опыта сказалось — несколько лишних ран всё же окрасили простыни кровью. Как бы то ни было, дело было сделано.

Отныне этот маленький дракон обречен на плен, и неизвестно, сколько страданий выпадет на его долю. Драконья плоть крепка, а жизнь долга — десяток лет в неволе не погубят его тело. Но разум... Верно, он никогда больше не сможет доверять людям.

Жэнь Ши на миг представил, как этот доверчивый ребенок однажды превратится в свирепое, исполненное ненависти чудовище, которое вырвется из клетки и уничтожит каждого, кто лишил его свободы. От этой мысли стало тошно.

Если бы не Гу Сюньчжи, он никогда бы не замарал руки в подобном.

Он вышел к дверям, потушил аромат и спрятал остатки курительных шариков в рукав. Оставлять столь опасную вещь людям он не собирался — лишние привязанности ему ни к чему.

Среди всех смертных ему было довольно и одного Сюньчжи.

Пройдя через анфиладу комнат, Жэнь Ши увидел того самого слугу князя. Тот подпирал стену, зажав нос платком в тщетной надежде спастись от чар «Пьяного сна». Вид его был донельзя комичным: бедолага отчаянно боролся с дремотой, то и дело проваливаясь в сон.

Дурманящий аромат, хоть и ослабел, всё еще плыл по коридорам. Сейчас всё поместье погрузилось в глубокий, неестественный сон.

Возле слуги стоял таз с водой. Завидев Жэнь Ши, тот востепенно и поднес его мастеру — так было велено заранее.

Жэнь Ши молча омыл руки, даже не взглянув на прислужника, и направился к выходу. Стоило ему покинуть пределы высоких стен поместья, как ночной воздух, очистившийся от запаха благовоний, ударил в лицо.

Жэнь Ши в одиночестве дошел до дворика, где поселили Гу Сюньчжи. Он толкнул калитку, но та оказалась заперта изнутри. На стук долго никто не отзывался. Наконец засов лязгнул, и дверь отворилась.

На пороге стоял князь Цзинь. Он посмотрел на Жэнь Ши и едва заметно улыбнулся:

— Ты славно потрудился.

<http://bllate.org/book/17555/1712277>